Веч. Москва. - 1994 - 15 апр. - с. 5.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЧУДНЫЙ ТЕАТР ОБЕРНУЛСЯ ВНЕПЛАНОВЫМ «ДЯДЕЙ ВАНЕЙ»

Чествование Беллы Ахмадулиной прошло во МХАТе

«При такой Белле и Мессерер Печорин», — пошутил Олег Табаков в адрес главного художника МХАТа (по совместительству мужа Б. А.). Юбилей поэтессы без шуток был задуман Борисом Мессерером с печоринским хладнокровием и сердечной безоглядностью.

Когда трепетная примадонна русского стиха, высвеченная светом прожекторов, вышла (взошла?) к рампе, — зал встал.

«Стихотворения чудный театр, — выпела хрустальная гортань классический запев собственных поэтических явлений публике, — нежься и кутайся в бархат дремотный...»

Нерифмованная речь Б. А. была по обыкновению так же изысканна, как и ее строфы.

— Я здесь не затем, чтобы ликовать по тому поводу, что дожила до отведенного мне возраста в предложенных мне обстоятельствах.

Действо между тем приобретало выраженный окрас предлагаемых обстоятельств ресторанного юбилейного ликования.

В глубине сцены проявились дворянские столы с шампанским и фруктовыми натюрмортами, за которые были поименно вызваны из зала первые имена отечественной культуры. Собственно министр культуры отчего-то приглашен не был и остался с народом.

Мало-помалу покатилась пиеса, инструментованная на манер привычного славным подмосткам «Дяди Вани». Трагикомические мизансцены, как бы подернутые пеленой пафоса, не осознающего собственного лукавого комизма.

Полились заздравные речи, сдобренные приторностью ананасового «Анкл Бенкса».

Вознесенский поименовал Б. А. «белой орхидеей в темноте нашей поэзии». (А ведь, бывало, звал «нездешняя ангел»!). Окуджава тягостно сострил: «Белле исполнилось двадцать лет». Элем Климов поднатужился быть не менее куртуазным: «Белла Ахматовна»!

Юбилейная толпа с тягомотным скрипом накручивала, как запиленную пластинку шестидесятых, блистательную мелодию товарищества, увы, надтреснутую в пропыленных патефонах лет.

Сокровенная человеческая нота, как классика, имеет обыкновение бронзоветь и лоснится от употребления всуе.

Здесь же — умильно-ностальгические реминисценции былого противостояния режиму с протухлыми ремарками: «не давали», «не пущали», «душили»... Будто кто-либо из ораторов, если и не восходил на плаху, то как минимум мотал срок. Тут солировал отнюдь не только профессиональный оппозиционер Войнович; даже безукоризненный сосуд незамутненного вкуса Битов в сбивчивой речи не преминул всхлипнуть о тоталитарных тяготах, не повредивших, впрочем, очарования красивейшей из женщин, бравшихся за перо.

Писатель Ерофеев, которого, по собственным словам, шестидесятники ненавидят, сардонически косил за происходящим. Господи, наверное, думал он, дай каждому

Белла и ее Печорин

из легионов литературных горемык вашу судьбу!

Корифан его, сибирский парень Женя Попов, с медвежьей элегантностью тянул на себя одеяло паркетного шаркуна. Он тоже пострадал от режима. Кто воевал, имеет право у тихой речки отдохнуть...

Только Жванецкий (с неизменным бухгалтерским портфелем) — кажется, без намека на эпатаж — зафиксировал: «Поэты жили хорошо, все жили плохо. Сейчас все — хорошо, поэты — плохо».

Живую трель в заунывную юбилейную драму, как ни смешно, внесли отнюдь не активисты культуры. Сергей Красавченко передал привет от Ельцина: «Президент знает и любит стихи Беллы»! («Мог бы и сам заскочить», — съязвила одна вовсе не желчная критикесса). Красавченко вручил Б. А. кремлевский букет, а при нем два документа. Президент не был бы, понимаешь, президентом, если бы с букетом не прислал сопроводительные документы: 1) документ о награждении Б. А. орденом «За заслуги перед Отечеством»; 2) личное письмо. Которое посланец и зачитал.

— Я посвящена в слог (государственных бумаг), — молвила Белла с тягостной светской улыбкой.

Стало досадно, что не внедрили пока думцы орден «Поэт божьей милостью».

Кстати, о Думе.

«Из непоэтического места с затуманенным сознанием» вдруг ворвалась на огонек Г. Старовойтова и сказала, пожалуй, проникновеннее всех мастеров творческого цеха:

— Те, кто работает на суету сегодняшнего дня, преклоняются перед той, кто работает на вечность.

...Пиеса с шампанским долго ли, медленно, а тянулась к финалу. Засидевшиеся персонажи то и дело убегали за кулисы покурить.

Сиятельная Б. А. с ликом мудрой усталой Мадонны как-то затерялась на сцене между бесчисленных снующих «товарищей своих». Похоже, ей хотелось домой, а впереди еще мерцало наваждение банкета. Она томилась. Но пронзительной прелести ее от этого не убыло.

Виктор ГАЛАНТЕР

Фото Александра АБАЗЫ. Концерн «ВМ»